

От успокоения к прозрению: эволюция философского взгляда на смерть (Эпикур и Хайдеггер)

Гольцова Е.К., Булыго Е.К.

Сложно найти тему, которая одновременно пугала бы и притягивала человека так же сильно, как смерть. Философское осмысление смерти всегда занимало особое, почти мистическое место в истории человеческой мысли. Мы боимся её, пытаемся забыть о её существовании или, напротив, посвящаем свою жизнь служению этой великой тайне. Как загадочно писал французский моралист Франсуа де Ларошфуко: «Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор» [1]. И действительно, эта тема, будучи самой близкой и одновременно самой далёкой каждому из нас, породила множество философских концепций, которые не только объясняли природу конца, но и учили человека, как с этим знанием жить дальше.

Сквозь призму истории мы видим, как менялась эта оптика: от светлого, почти радостного освобождения души из «темницы тела» в античности до глубокого экзистенциального ужаса перед небытием в двадцатом веке. Чтобы понять эту эволюцию, необходимо всмотреться в два мощнейших полюса философской танатологии — жизнеутверждающий рационализм Эпикура, который пытался «лечить» душу от страха смерти, и мрачный, но освобождающий экзистенциализм Мартина Хайдеггера, который, напротив, видел в смерти главное условие подлинного существования.

В античной культуре смерть не была проклятием или абсолютным концом. Для греческого сознания, особенно в его классический и эллинистический периоды, гибель физического тела была лишь этапом трансформации, переходом в иное состояние. Сократ в диалогах Платона утверждал, что истинный философ всю жизнь учится умирать, поскольку смерть отделяет бессмертную душу от бренного тела, позволяя ей приблизиться к миру вечных идей [2].

Но именно Эпикур, чьё имя обычно связывают с гедонизмом, предложил совсем иной взгляд: смерть не враг, а нечто безразличное для живого человека

[3]. Он жил в эпоху эллинизма, когда старые полисные ценности рухнули, и человек часто чувствовал себя потерянным во враждебном мире. Эпикур попытался дать своего рода духовную терапию.

Его известная формула звучит так: «Когда есть мы, смерти ещё нет, а когда приходит смерть, нас уже нет» [3, с. 125]. Как объясняет И.С. Шаповалов, все страхи человека связаны с ощущениями, но смерть – это полная потеря ощущений и распад души, состоящей из атомов [4, с. 343]. Получается, бояться небытия так же бессмысленно, как бояться времени до нашего рождения. Следовательно, Эпикур приходит к выводу, что бояться абсолютного небытия так же бессмысленно, как бояться того времени, когда нас ещё не было на свете.

Однако философия Эпикура – это не просто логический трюк. Это целая программа спасения души от мучительного ужаса.

В отличие от своих предшественников киренаиков, которые проповедовали вульгарный гедонизм и часто приходили к выводу о бессмысленности жизни, Эпикур учил различать удовольствия. Он утверждал, что истинное счастье заключается не в бурных страстях, а в атараксии – состоянии полного душевного покоя и безмятежности, когда человек свободен от страхов и боли.

Чтобы достичь этого, необходимо ограничить свои желания естественными потребностями и, самое главное, избавиться от трёх главных страхов: перед богами, перед судьбой и перед смертью [4, с. 346]. Эпикурейские боги, обитающие в межмировых пространствах (интермундиях), настолько самодостаточны и блаженны, что совершенно не вмешиваются в дела людей, а значит, бояться их глупо. Судьба, по Эпикуру, преодолевается через учение о самопроизвольном отклонении атомов – клинамене [4, с. 347].

Эта теория вносит в мир элемент случайности и свободы. Получается, что жизнь эпикурейца – это что-то вроде тихой гавани: дружба, созерцание, простые радости. Но критики тут же указывают на проблему: отрицание страха смерти может привести к равнодушию к реальным страданиям умирающего. Более того, есть риск скатиться в эгоистичное, потребительское отношение к миру – то самое, которое потом ярко проявилось в эпоху постмодерна.

Если античность в лице Эпикура пыталась «заговорить» смерть, сделать её незаметной, то Средневековье выносит её на всеобщее обозрение, наделяя высоким религиозным смыслом [7]. В христианской культуре смерть – это не пустота, а дверь в вечность. Всем известный сюжет «Пляски смерти» (*danse macabre*) как раз показывает: перед лицом кончины все равны – и король, и нищий, и рыцарь, и крестьянин.

Смерть здесь не биологическая катастрофа, а момент встречи с Богом, акт со-умирания со Христом ради будущего воскресения. Это придаёт жизни верующего огромную ценность – ведь земное существование считается лишь кратким испытанием, подготовкой к переходу в Царствие Небесное.

Но с наступлением Нового времени, с его наукой, рационализмом и индивидуализмом, эта стройная картина начинает трещать. Коперник лишил человека центрального места во Вселенной, Дарвин превратил его просто в один из биологических видов, а Ницше и Фрейд окончательно подорвали веру в антропоцентризм – первый заявил о «смерти Бога», второй указал на власть бессознательных разрушительных инстинктов [4, с. 342-343]. Человек вдруг оказался затерянным в холодной космической пустоте, и смерть, лишённая сакрального ореола, стала ужасающей, но естественной неизбежностью.

И вот в этой ситуации интеллектуальной паники и кризиса гуманизма появляется Мартин Хайдеггер со своей фундаментальной онтологией. В «Бытии и времени» он, по сути, переворачивает всю предшествующую традицию [5]. Он не спрашивает, что такое смерть сама по себе, и не ищет утешения. Вопрос ставится иначе: как смерть определяет способ бытия человека?

Человеческое существование, которое он называет *Dasein* (вот-бытие), по своей сути есть бытие-к-смерти (*Sein zum Tode*). Это не значит, что человек постоянно физически умирает, а то, что вся его жизнь пронизана осознанием конечности. Хайдеггер метафорично замечает: *Dasein* всегда уже «забегает вперёд» (*Vorlaufen*) к своей смерти – самой своей, неотчуждаемой и неизбежной возможности. Пока человек живёт в «неподлинном» модусе, он растворяется в толпе, в мире вещей и повседневных забот, пытаясь спрятаться от этого

ужаса. Он говорит «умирают люди», но только не «я», отодвигая собственную кончину в бесконечное «потом». И только «подлинное бытие-к-смерти» – это решимость принять свою конечность, перестать быть безликим «man» (людьми) и обрести уникальную самость [5].

Для Хайдеггера смерть – не враг, которого надо победить, и не друг, к которому стоит стремиться. Это экзистенциал, то есть структура, организующая всё наше существование. Именно страх (Angst) перед смертью, ощущение ничто, вырывает человека из повседневности и возвращает ему его собственную свободу. Только осознав, что жизнь конечна, что завтра может не наступить, человек начинает жить по-настоящему, брать на себя ответственность за свой выбор и ценить каждый момент.

Эта мысль перекликается с Камю, который в «Мифе о Сизифе» называет самоубийство единственным серьёзным философским вопросом и утверждает: даже в абсурдном мире, лишённом высшего смысла, человек способен обрести свободу и достоинство в бунте против этой абсурдности [8]. В отличие от плавного, успокаивающего рационализма Эпикура, философия Хайдеггера звучит как суровый, мужской голос, который говорит: «Прими свою боль, прими свой страх, и только тогда ты станешь свободным» [9, с. 85].

Интересно, что в современном мире эти две великие парадигмы – эпикурейская и хайдеггерианская – продолжают сталкиваться и дополнять друг друга. С одной стороны, постиндустриальное общество, поглощённое культом потребления, гедонизмом и стремлением к вечной жизни через трансгуманизм и крионику, во многом является утрированным воплощением эпикурейской мечты, превратившейся в кошмар.

Смерть стала табуированной темой, её прячут в больничных палатах и превращают в виртуальную картинку на экране, что порождает лишь апатию и депрессивный нарциссизм. С другой стороны, экзистенциальная психотерапия Ирвина Ялома, вдохновлённая Хайдеггером, возвращает человеку мужество смотреть в лицо собственной конечности, утверждая, что интеграция

идеи смерти «спасает нас», действуя как стимул к переходу в более аутентичный модус существования [9].

Однако даже Ялом признаёт, что холодная логика Эпикура бессильна перед лицом реальной агонии. Помочь может не философская формула «смерть – это ничто», а живое человеческое участие, дружба и контакт с Другим – то, что в своём саду так ценил сам Эпикур, который искал спасение от ужаса небытия в тепле общения с близкими по духу людьми [9].

Таким образом, путешествие философской мысли от садов Эпикура до кабинетов Хайдеггера – это путь человека, который пытается приручить свой самый древний страх. Эпикур предлагает нам мудрую улыбку: «Не бойся, смерти нет, пока ты есть». Хайдеггер же отвечает ему суровой правдой: «Бойся, но этот страх – единственное, что делает тебя живым» [10, с. 68]. Каждая эпоха выбирает свой способ диалога с Танатосом, и сегодня, в мире, где старые боги умерли, а новые технологии обещают цифровое бессмертие, мы, как никогда, нуждаемся в этой древней мудрости.

Быть может, секрет не в победе над смертью и не в бегстве от неё, а в том умении, о котором писали поэты и философы: прожить свою жизнь так ярко и полно, чтобы в конце пути, на пороге вечности, не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, а можно было с улыбкой вспомнить, что миг этот был прекрасен. И тогда, возможно, мы поймём, что жизнь – это не череда дней, ожидающих конца, а бесконечный свет, который горит тем ярче, чем глубже тень, отбрасываемая небытием.

Список использованных источников

1. Философия смерти [Электронный ресурс] // Журнал Интроверта. – URL: <https://artforintrovert.ru/magazine/tpost/pb00igry81-filosofiya-smerti> (дата обращения: 10.04.2026).

2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский; пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.

3. Эпикур. Главные мысли / Эпикур; сост., предисл., коммент. К. В. Бандуровского. – М.: АСТ, 2023. – 224 с.
4. Шаповалов И. С. Танатологические идеи Эпикура в контексте развития европейской культуры / И. С. Шаповалов // КАНТ. – 2024. – № 4 (53). – С. 341–358.
5. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Библихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
6. Гуманитарные ведомости: сб. науч. ст. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2019. – Вып. 3 (31). – 142 с.
7. Коначева С. А. Онтология и софиология смерти: трансформации танатологического дискурса в философско-теологической мысли XX века / С. А. Коначева // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2021. – Вып. 98. – С. 50–67.
8. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / А. Камю; пер. с фр. С. Великовского. – М.: АСТ, 2022. – 256 с.
9. Москаленко Д. Н. Философское осмысление смерти как встречи с «Другим» / Д. Н. Москаленко, М. Н. Кочетов, Е. А. Трохимчук, Е. В. Чапны // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 3 (67). – С. 77–87.
10. Филатов Т. В. Смерть как область экзистенциального пересечения философии и истории / Т. В. Филатов // Сфера культуры. – 2021. – Т. 3. – № 1. – С. 65–71.